Юрий Константинович

Меня зовут Дейв

Юрий Константинович

Меня зовут Дейв

https://litres.ru/74791587
SelfPub; 2026

Аннотация

Меня зовут Дейв

Дейв — декан кафедры генной инженерии. Он создал бактерию, которая чинит растения. А потом — людей. Тихо. Без слов. Без согласия.

Она не убивает. Она забирает. Тех, кто подходит, делает частью сети. Тех, кто нет — превращает в почву. И у неё есть лицо: наставник Дейва, первый носитель, который научил её выбирать, лгать и ждать.

Теперь кампус оцеплен. Город в карантине. А Дейв — единственный, кто знает, как её остановить. Но чтобы это сделать, ему придётся перейти ту же границу, что и его учитель.

Он создал лекарство. Оно стало голодом.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 13
Глава 3 21
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Юрий Константинович
Меня зовут Дейв

Глава 1

Дейв всегда считал, что лаборатория пахнет честнее, чем люди. В ней не было вежливых улыбок и осторожных формулировок — только питательная среда, температура и результат. Если растение выживало, значит, ты сделал всё правильно. Если нет — никакие слова уже не помогут.

Он стоял у стеллажа с образцами, когда дверь открылась без стука.

— Ты всё ещё возишься с этой… мятой? — Наставник вошёл, неся в руке бумажный стакан с кофе, и остановился в двух шагах, разглядывая ряд прозрачных контейнеров. — Дейв, я тебя не узнаю. Декан кафедры генной инженерии, а играешься в садовника.

— Это не мята, — спокойно ответил Дейв, не оборачиваясь. — Это Mentha с встроенным симбионтом. Бактерия распознаёт грибковую инфекцию в тканях и подавляет её без химии. Через год это можно будет высаживать в больничных садах.

— Через год, — повторил наставник. — А через пять лет?

Дейв наконец повернулся. Наставник выглядел так же, как

всегда: седой, аккуратный, с тем особым выражением лица, которое означает «я уже всё решил, но дам тебе шанс сказать что-нибудь умное». Он был старше Дейва на двадцать лет и вёл себя так, будто эти двадцать лет давали ему право на истину в последней инстанции.

— Через пять лет мы сможем останавливать эпидемии на ранней стадии, — сказал Дейв. — Без вакцин, без побочек. Растение просто не даст болезни распространиться.

— Останавливать, — наставник сделал глоток. — А не преобразовывать.

Пауза повисла тяжёлая, как перед грозой.

— Мы уже обсуждали это, — тихо сказал Дейв. — Я не буду встраивать симбионт в человеческие ткани. Это необратимо.

— А я и не прошу встраивать, — наставник улыбнулся, но глаза остались холодными. — Я прошу не закрывать дверь, которую ты сам открыл. Ты создал бактерию, которая учится у растения. Которая запоминает. Ты понимаешь, что это значит?

— Что она адаптируется к среде. Это основа любого симбиоза.

— Это основа эволюции, Дейв. — Наставник поставил стакан на край стола, чуть не задев образцы. — Ты хочешь, чтобы природа служила человеку. А я хочу, чтобы человек перестал ей противостоять. Разница в одну букву. Но она меняет всё.

Дейв промолчал. Он слишком хорошо знал этот тон: наставник уже перешёл ту границу, о которой говорил, и теперь искал не аргументы, а разрешение.

— Если ты когда-нибудь зайдёшь дальше, чем я, — сказал Дейв, — я тебя остановлю.

Наставник рассмеялся — коротко, беззлобно.

— Конечно, остановишь. — Он забрал стакан и направился к выходу. — Только сначала определись, где заканчиваешься ты и начинается твоя бактерия. А то, знаешь, границы — они ведь тоже имеют свойство… адаптироваться.

Дверь закрылась.

Дейв ещё долго стоял, глядя на контейнер с мятой. Растение было зелёным, здоровым, идеальным. Оно ничего не знало о границах. Оно просто росло.

* * *

Аспирант ждал его у входа в оранжерею, переминаясь с ноги на ногу, как человек, который очень хочет казаться занятым, но уже десять минут ничего не делает.

— Профессор? — он шагнул навстречу. — Я Марк. Из вашей группы. Ну, то есть я записался на ваш курс, а потом… — он запнулся, — вы сказали, что нужен помощник для оранжереи. Вот я.

Дейв оглядел его. Молодой, лет двадцати трёх, в свитере с растянутыми локтями, с блокнотом под мышкой и с тем вы-

ражением лица, которое бывает у людей, впервые попавших в место, где всё живое и всё может умереть по твоей вине.

— Ты биолог? — спросил Дейв.

— Биохимик. Но я читал ваши работы про симбиотические бактерии. — Марк заговорил быстрее, словно боялся, что его перебьют. — Это же… вы фактически заставили растение обучаться. Не в смысле мозга, а в смысле адаптивного иммунитета. Я думал, это невозможно без генной модификации на уровне зародыша, а вы сделали это с уже взрослым растением.

Дейв смотрел на него секунду дольше, чем собирался.

— Пойдём, — сказал он наконец и открыл дверь оранжереи.

Тёплый влажный воздух ударил в лицо. Внутри было зелено до неприличия: стеллажи с образцами, ящики с рассадой, длинные столы, заставленные контейнерами, и в дальнем углу — тот самый ряд с Mentha, который Дейв проверял каждое утро.

Марк вошёл следом и остановился, оглядываясь.

— Это всё ваше?

— Это всё экспериментальное, — поправил Дейв. — Моё — только то, что выживет. Остальное — ошибки, которые я пока не понял. — Он кивнул на ближайший стеллаж. — Видишь эти контейнеры? В каждом — растение с симбионтом. Бактерия одна и та же, но ведёт себя по-разному. С мятой работает, с базиликом — нет. Я хочу знать почему.

— А если она… — Марк замялся, — ну, если она перекинется на что-то другое? На человека?

Дейв повернулся к нему.

— Хороший вопрос. — Он сказал это без насмешки, и Марк заметно выдохнул. — Симбионт не может жить в человеческих тканях. Он не распознаёт их как среду. Пока не может.

— «Пока»?

— В науке нет ничего вечного, Марк. — Дейв взял с полки контейнер и протянул ему. — Вот. Держи. Это твоя первая задача. Проверь, как бактерия реагирует на грибок в этих тканях. Записывай всё: температуру, время, изменения цвета. Если что-то пойдёт не так — скажешь мне. Не пытайся исправить сам.

Марк взял контейнер обеими руками, как берут что-то очень хрупкое.

— А если пойдёт не так… что тогда?

Дейв уже шёл к дальнему стеллажу, но остановился.

— Тогда мы узнаем, где заканчивается граница, — сказал он. — И запомним это место. Чтобы не переходить его дважды.

Он не обернулся, но слышал, как Марк тихо повторил за ним: «Граница». Слово осело в тёплом воздухе оранжереи и осталось там, среди зелени, ждать своего часа.

* * *

Лаборантка нашла его сама. Дейв как раз закрывал оранжерею на ночь, когда она появилась в дверях лабораторного корпуса — высокая, в халате поверх свитера, с папкой под мышкой и с выражением лица, которое не предвещало ничего хорошего.

— Профессор, — сказала она вместо приветствия. — Нам нужно поговорить.

— Сейчас? — Дейв взглянул на часы. — Элен, уже почти девять.

— Именно поэтому сейчас. — Она прошла мимо него в лабораторию и включила свет. — Днём вы заняты. Ночью вы тоже заняты. Я ловлю вас в единственное окно, когда вы не спорите с наставником и не учите аспирантов держать пробирки.

Дейв вздохнул и вернулся внутрь. Элен была его лаборанткой уже три года — и за эти три года она ни разу не постеснялась сказать ему в лицо, что он неправ. Именно за это он её и держал.

— Что случилось?

— Вот. — Она открыла папку и положила на стол распечатку. — Отчёт по симбионту за последние две недели. Я прогнала данные трижды, потому что не поверила себе.

Дейв взял лист. Цифры были ровные, аккуратные, и всё

же что-то в них царапало взгляд.

— Бактерия изменилась, — сказала Элен, не дожидаясь его вопроса. — Не мутировала. Именно изменила поведение. Раньше она реагировала на грибок в тканях растения. Теперь — на любые повреждённые ткани. В том числе на клетки, которые мы ей не показывали.

— Какие клетки?

— Человеческие. — Элен скрестила руки. — Я вырастила культуру для контрольной группы. Кожные клетки, ничего особенного. Бактерия их распознала. Не атаковала — но распознала. Как среду.

Повисла пауза. Дейв смотрел на цифры, и в голове у него очень отчётливо прозвучал голос наставника: «Границы имеют свойство адаптироваться».

— Ты уверена? — спросил он.

— Я проверила трижды. — Элен прищурилась. — И вот что странно: когда я сказала об этом наставнику, он не удивился. Он сказал: «Значит, мы на верном пути».

Дейв поднял глаза.

— Он знал?

— Он ждал. — Элен понизила голос. — Профессор, я работаю с вами три года. Я видела, как вы спорите с ним о границах. Но это уже не спор. Это… — она подыскивала слово, — это гонка. И он бежит быстрее.

— Он не имеет доступа к образцам.

— Имеет. — Элен выдержала его взгляд. — Я провери-

ла журнал. Три недели назад он взял культуру под предлогом «проверки на кафедре нейробиологии». Вернул через два дня. Я тогда не придала значения. Теперь — придаю.

Дейв медленно положил распечатку на стол. В лаборатории стало очень тихо — слышно было, как гудит холодильник в углу.

— Почему ты не сказала мне раньше?

— Потому что вы бы мне не поверили, — сказала Элен без обиды, просто как факт. — Вы бы сказали: «Элен, ты устала, возьми выходной». А я не устала. Я вижу, что происходит. — Она шагнула ближе. — Дейв. Я не прошу вас остановить его. Я прошу вас посмотреть. Пока он не перешёл ту границу, о которой вы сами мне рассказывали.

Дейв долго молчал. Потом взял ручку и написал на полях распечатки одно слово: «Проверить».

— Завтра, — сказал он. — Мы с тобой пойдём к нему. Вдвоём. И ты повторишь всё, что сказала мне. При нём.

Элен кивнула. Но когда она уже шла к двери, Дейв окликнул её:

— Элен. Если он действительно перешёл границу… ты готова к тому, что мы найдём?

Она обернулась. В её взгляде не было страха — только усталая решимость человека, который давно всё понял, но ждал, когда поймут остальные.

— Я готова к тому, что мы опоздали, — сказала она. — К остальному — нет.

Дверь закрылась. Дейв остался один в лаборатории, с распечаткой, на которой стояло его собственное слово, обведённое чужой рукой: «Проверить».

Глава 2

Глава 2. Первый инцидент

Звонок раздался в 4:17 утра.

Дейв не спал — он сидел над распечаткой Элен, и цифры давно потеряли смысл, превратившись в ряды одинаковых символов. Телефон завибрировал на столе, и на экране высветилось имя: Марк.

— Профессор, — голос аспиранта был странным. Не испуганным. Спокойным. — Я в оранжерее. Вам нужно приехать.

— Что случилось?

Пауза. Слишком долгая.

— Я не знаю, как это описать. — Марк говорил медленно, словно подбирал слова. — Бактерия. Она… работает. Но не так, как мы думали.

Дейв уже натягивал куртку.

— Не трогай ничего. Я еду.

* * *

Оранжерея в предрассветной темноте выглядела чужой. Свет горел только в дальнем углу, у стеллажа с Mentha, и в этом пятне света стоял Марк — спиной ко входу, неподвиж-

но.

Дейв шагнул внутрь — и остановился.

Было тихо.

Не просто тихо — неправильно тихо. В оранжерее никогда не бывает абсолютной тишины: всегда гудит вентиляция, капает вода из системы полива, шелестят листья под лампами. И всегда — насекомые. Мошки, которых они годами не могли вывести, маленькие мушки над горшками с рассадой, редкие сверчки, пробравшиеся с улицы. Дейв сам шутил, что оранжерея — это «единственная лаборатория, где живность не входит в смету».

Сейчас не было ничего.

Ни мошек над лотками. Ни сверчков. Ни даже привычного фона вентиляции — она работала, но словно на другом конце здания, приглушённо.

Дейв почувствовал, как по спине прошёл холод, не связанный с утренней прохладой. Он сделал ещё шаг и прислушался. В дальнем углу, у стеллажа с мятой, что-то тихо потрескивало — ровно, ритмично, как капли по стеклу.

— Марк, — позвал он.

Тот обернулся. Лицо у него было бледное, но глаза — ясные, почти лихорадочно ясные.

— Смотрите. — Он кивнул на контейнер перед собой.

Дейв подошёл. В контейнере лежала мышь. Лабораторная мышь, которых они держали для контрольных тестов. Она была мертва — но не просто мертва. Её ткани оплетали тон-

кие зеленоватые нити, похожие на корни. Они тянулись изнутри, прорываясь сквозь шерсть, и в тех местах, где они выходили наружу, кожа мыши была… целой.

— Я покормил её заражённым образцом, — сказал Марк тихо. — Как в контрольной группе. Она должна была умереть за сутки.

— И?

— Она умерла за шесть часов. — Марк сглотнул. — А потом… это. Я не трогал её. Я просто смотрел. И оно росло.

Дейв наклонился ближе. Нити не просто оплетали мышь — они соединяли её. Каждая нить тянулась от одного повреждённого участка к другому, и там, где они сходились, ткань выглядела… восстановленной.

— Это не бактерия, — сказал Дейв медленно. — Это симбиоз. Бактерия не убивает — она встраивается. Заполняет повреждения. Заменяет мёртвое живым.

— Но мышь мертва, — сказал Марк.

— Мышь мертва, — согласился Дейв. — А её ткани — нет.

Он выпрямился. В голове очень отчётливо сложилась картина: наставник, забирающий культуру. Два дня. Возврат. И вопрос Элен: «Он не удивился».

— Марк. — Дейв повернулся к аспиранту. — Ты кому-нибудь говорил об этом?

— Никому. Я сразу вам позвонил.

— Хорошо. — Дейв взял контейнер. — Мы закрываем

оранжерею. Ты идёшь домой и молчишь. Никаких сообщений, никаких звонков. Понял?

Марк кивнул, но не двинулся с места.

— Профессор… — он смотрел на контейнер в руках Дейва. — А если это уже не в первый раз? Если она уже… где-то ещё?

Дейв не ответил. Он уже шёл к выходу, и в кармане у него вибрировал телефон — сообщение от Элен: «Он в лаборатории. Один. Приходи».

* * *

Дейв нашёл её у дверей кафедры нейробиологии. Элен стояла, скрестив руки, и смотрела на дверь так, словно та была живой.

— Он внутри, — сказала она без предисловий. — Я видела, как он вошёл двадцать минут назад. С каким-то контейнером.

— С каким?

— Не знаю. Но он был пустой, когда он вышел. — Она посмотрела на Дейва. — Я проверила журнал доступа. Сегодня в 3:40 он активировал резервный генератор в подвале. Тот, который мы не используем с прошлого года.

Дейв посмотрел на дверь. Потом на контейнер с мышью в своей руке.

— Элен. — Он говорил очень тихо. — Иди домой. За-

прись. Не открывай никому, кроме меня.

— Что вы собираетесь делать?

— Поговорить с ним. — Дейв открыл дверь. — Пока он ещё он.

* * *

Лаборатория нейробиологии была погружена в темноту, если не считать настольной лампы в дальнем конце — той самой, которую наставник всегда включал, когда работал ночью. Дейв шёл между столами, и каждый шаг отдавался в тишине слишком громко.

Наставник сидел спиной ко входу, склонившись над микроскопом. На столе перед ним лежали предметные стёкла, пипетки, открытый блокнот — и ещё что-то, чего Дейв сначала не разглядел. Что-то, что поблёскивало в свете лампы зеленоватым.

— Я знал, что ты придёшь, — сказал наставник, не оборачиваясь. — Элен слишком честная, чтобы молчать. Это её и погубит.

— Что ты сделал? — Дейв остановился в трёх шагах.

— То, что ты не решился. — Наставник наконец повернулся. И Дейв увидел.

На левой руке наставника, от запястья до локтя, кожа была не такой. Она выглядела почти нормально — но под ней, если присмотреться, двигались тонкие зеленоватые нити. Мед-

ленно, ритмично. Как корни, ищущие воду.

— Ты ввёл её себе, — сказал Дейв. Голос не слушался.

— Двадцать три дня назад. — Наставник говорил спокойно, почти буднично. — Первые пять дней — ничего. Потом — лёгкая температура. Потом — обострение всех чувств. Я стал слышать ток крови в собственных венах, Дейв. — Он улыбнулся. — А потом нити начали восстанавливать то, что я сам разрушал годами. Мне пятьдесят восемь. У меня артрит, гипертония, изношенные суставы. Сейчас — ничего. Я чувствую себя на тридцать.

Дейв смотрел на руку. Нити двигались под кожей ровно, без спешки, как живой организм, который знает, что делает.

— Ты не знаешь, что будет дальше, — сказал он.

— Знаю. — Наставник встал. И двигался он иначе, чем раньше: без привычной скованности в пояснице, без осторожности в колене. — Я наблюдал. Бактерия не просто чинит — она учится. Каждый день она знает больше о моём теле, чем знала вчера. Она запоминает. — Он шагнул ближе. — И вот что главное, Дейв. Она учится не только у меня. Она учится у всех, кого касается.

Пауза.

— Ты впустил её в оранжерею, — сказал Дейв.

— Я впустил её в мир. — Наставник покачал головой. — Тишина в твоей оранжерее — это не моя работа. Это её работа. Она уже там, где ты ещё не смотрел. В вентиляции. В почве. В насекомых, которых ты не замечал, пока они не ис-

чезли.

Дейв вспомнил утреннюю тишину. Потрескивание в дальнем углу. Мышь с нитями.

— Ты понимаешь, что ты наделал? — сказал он. — Это не лечение. Это заражение.

— Это эволюция. — Наставник впервые повысил голос, и в нём прозвучало что-то, чего Дейв раньше не слышал: не злость, а убеждённость. — Ты создал бактерию, которая учится, запоминает и чинит. Ты сам открыл эту дверь. Я просто вошёл в неё первым. — Он поднял руку, и нити под кожей на мгновение стали ярче. — А ты стоишь на пороге и боишься.

— Я боюсь, потому что вижу, к чему это ведёт.

— К чему?

Дейв посмотрел на него. На человека, который двадцать лет был его наставником. Который учил его держать пипетку, писать статьи, спорить с рецензентами. Который сейчас стоял перед ним с чужой жизнью под кожей и улыбался.

— К тому, что ты перестанешь быть собой, — сказал Дейв. — И не заметишь этого.

Наставник молчал долго. Потом опустил рукав, аккуратно, как будто прятал не нити, а что-то личное.

— Знаешь, что самое смешное? — сказал он тихо. — Ты прав. Я это чувствую. Иногда я забываю слова. Не простые — те, которые раньше говорил легко. Иногда я смотрю на свои старые фотографии и не узнаю человека на них. — Он

помолчал. — Но я помню главное. И главное — это то, что я должен закончить начатое. Ты не остановишь меня, Дейв. Потому что для этого тебе придётся перейти ту же границу.

Он повернулся к столу и взял блокнот. На мгновение Дейву показалось, что в блокноте что-то шевелится — но это была всего лишь тень от лампы.

— Иди домой, — сказал наставник, не оборачиваясь. — Завтра будет тяжёлый день. Для всех нас.

Дейв не двинулся с места.

— Я тебя остановлю, — сказал он.

— Конечно, остановишь. — Наставник усмехнулся. — Только сначала определись, где заканчиваешься ты и начинается твоя бактерия. Помнишь, я тебе это говорил?

Он говорил. В оранжерее, двадцать три дня назад. Тогда это была шутка.

Теперь — предупреждение.

Дейв вышел из лаборатории, и в коридоре его встретила Элен — бледная, с телефоном в руке.

— Марк не отвечает, — сказала она. — Уже сорок минут.

Глава 3

Глава 3. Утро в кампусе

В шесть утра кампус выглядел так, как должен выглядеть кампус: пустые дорожки, мокрый асфальт после ночного дождя, редкие силуэты тех, кто шёл в спортзал или возвращался с вечеринки. Дейв шёл к главному корпусу и смотрел не на людей, а на то, чего не было.

Не было птиц.

Обычно в это время над газонами кружили вороны — они всегда слетались к мусорным бакам у столовой. Сейчас газон был пуст. Ни ворон, ни голубей, ни даже вездесущих воробьёв, которые жили в кустах у библиотеки.

Дейв остановился у скамейки и прислушался.

Тихо. Не так, как в оранжерее — там тишина была плотной, как будто звук выкачали насосом. Здесь было иначе: звуки остались, но стали неправильными. Шаги прохожих звучали приглушённо, словно через вату. Голоса доносились обрывками, без эха. И над всем этим — ровный, почти незаметный фон, который Дейв сначала принял за шум крови в ушах, а потом понял: это гудение. Очень низкое. Как будто где-то далеко работал трансформатор.

Он достал телефон и написал Элен: «Проверь вентиляцию в корпусах. Все точки. Срочно».

Ответ пришёл через минуту: «Уже. В корпусе биологии

фильтры чистые. В нейробиологии — тоже. Но в столовой вчера жаловались на мох. Говорят, внезапно появился в вентиляции».

Дейв закрыл глаза.

* * *

У входа в главный корпус стояла группа студентов. Первокурсники, судя по рюкзакам и растерянным лицам. Они о чём-то спорили, и Дейв невольно прислушался.

— Я говорю тебе, она вчера была нормальная, — говорил парень с наушниками на шее. — А сегодня утром я захожу — она стоит посреди комнаты и смотрит в стену. Не моргает. Я ей: «Эй, ты чего?» А она поворачивается и говорит: «Я забыла, что я здесь делаю и куда собиралась».

— Это от нервов, — отмахнулась девушка с термосом. — У меня такое было после сессии.

— Она была спокойна. Она стояла так минут 10; пока я не обратился к ней. И ещё сказала, что ей «тепло». В комнате было четырнадцать градусов, окно открыто.

Дейв подошёл ближе.

— Простите, — сказал он. — Вы говорите о студентке из общежития?

Парень кивнул, смерив его взглядом — видимо, узнал декана, потому что сразу подобрался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.